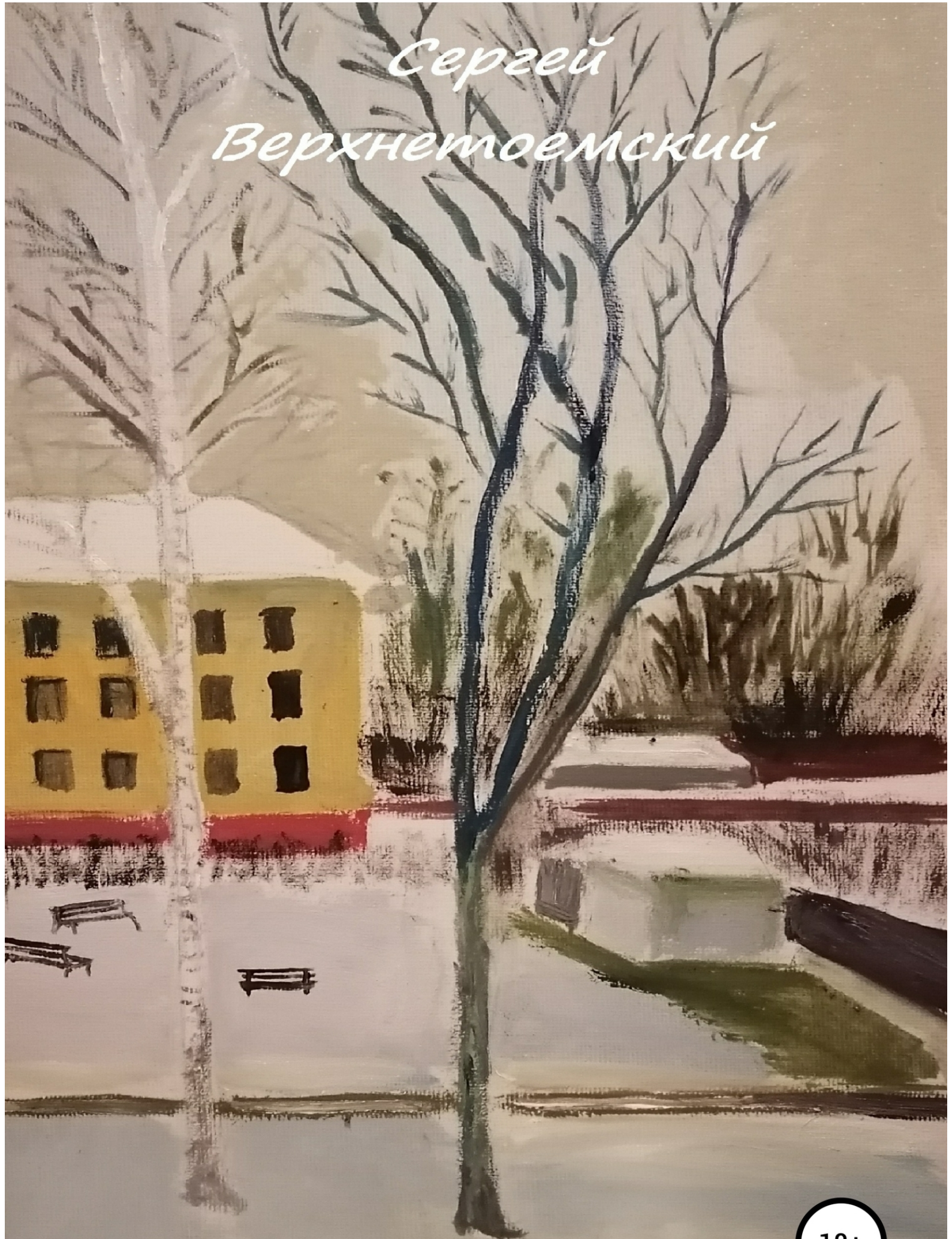


*Сергей
Верхнетоемский*



Парадный подъезд

18+

Сергей Верхнетоемский

Парадный подъезд

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Верхнетоемский С. А.

Парадный подъезд / С. А. Верхнетоемский — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Рассказ о временах былых, когда все жили дружно и весело, а иногда и не очень весело, в больших коммунальных квартирах, и другие истории.

Парадный подъезд

Первая половина двадцатого века. Старый дом в переулках улицы Горького. Почти сразу за Елисеевским магазином. Большая коммунальная квартира с потолками за три с половиной метра, гулким туалетом с высоким ржавым смывным бачком, который громоздился где-то наверху, в полутьме потолка, озаряемый светом тусклой двадцатисвечевой лампочки, и с которого свисала длинная металлическая цепочка с тяжелой фарфоровой ручкой на конце. Туалет при срабатывании смывного механизма издавал такие утробные звуки, что казалось, как будто демоны канализации празднуют тризну в ожидании новых душ и всего того, что производится человеком. Хотя, как говорят, душа – это не собственность человека, а душа сделана на небесах. И должна в итоге вернуться туда.

Много видела эта коммуналка. Она еще помнила дореволюционные времена, когда в ней жили господа со своей прислугой. Разумеется, в квартире была парадная лестница, и был черный ход во двор для прислуги. После революции многие залы в этой квартире разделили перегородками, и она стала напоминать купейный вагон поезда дальнего следования. Только пассажиры преодолевали в этом поезде не расстояние, а время – жильцы женились и разводились, рождались дети и умирали старики – в общем, жизнь шла вперед.

В одной из комнат жила Зинка. Зинка-резинка. Веселая девица, незамужняя, которая жила в свое удовольствие. Она работала кондуктором в трамвае. Но работа не утомляла ее настолько, чтобы она отказалась от мирских удовольствий. Например, ей иногда так хотелось осетрины, которая призывно желтела на прилавке Елисеевского. Однако, за зарплату кондуктора особенно не пошikuешь. Поэтому она заводила себе любовников. Как правило, это были состоятельные люди, семейные, которым тоже нужда была отдушина от бесконечных заседаний, детей-двоешников и сварливой старой жены. И Зинка была самой подходящей отдушиной. С ее легким характером, постоянной насмешливостью, и любовью к вкусным напиткам и деликатесам, она никак нельзя лучше подходила на роль отдушины. Пал Палыч, который ходил к ней в последнее время, был человеком немолодым, с проплешиной и благоприобретенным брюшком. Он всегда приходил к ней с большим коричневым кожаным портфелем, в котором неизменно был коньячок, балычок, лимончик и коробка конфет. Они уединялись в Зинкиной комнатухе, и соседи могли наслаждаться звонким Зинкиным смехом.

Еще в одной из комнат этой громадной квартиры жил один замечательный человек по имени Петушок. Вообще то, его звали Петр Васильевич. Но для всех он был просто Петушком. Ласковое прозвище, без каких-либо намеков на что-либо. Просто он был абсолютно бескорыстным и бесконечно добрым. Он не отказывал никому ни в чем, о чем бы его не попросили. При всем этом, он был не очень здоровым человеком. У него был диабет, больные почки и еще бог знает что. Но этим он тоже пользовался во благо общества. В те времена за опоздания на работу вполне можно было схлопотать уголовную статью и убыть в места не столь отдаленные на несколько лет. Валить тайгу, копать каналы. Строить города. По комсомольскому призыву, другими словами. И это могло произойти даже за десять минут опоздания в учреждение или на завод. В этих случаях Петушок оказывался абсолютно незаменимым. И те жильцы квартиры, у которых по каким-либо причинам во время на сработал будильник, бежали в Петушку. Он абсолютно бескорыстно делился с ними своей драгоценной мочой. А она у него была уникальной. В ней был и сахар, и белок, и еще бог знает что. Хоть компоты вари. И эту мочу пострадавшие от дефектного будильника тут же несли в поликлинику. Там им ставили страшные диагнозы, и давали больничный. Разумеется, по истечении времени больной выздоравливал. А Петушок получал личную благодарность и полное благорасположение всех жильцов квартиры.

Его даже без очереди пускали и в туалет, и в ванную. Как бы что не случилось с ним, пока он ожидает в общей очереди!

Да, надо отметить еще одну хорошую сторону Петушка. Он же был дамский парикмахер на пенсии. И дамы, обитательницы огромной квартиры, пользовались этим на все сто процентов. Поскольку Петушок был безотказным, то они даже не стеснялись просить его сделать им перманент и укладку. Да и стрижку заодно. Причем, абсолютно бесплатно, лишь источая благодарности и любезности в его адрес. Петушку этого было достаточно – он не отказывал никому. К тому же, видимо, не хотел утрачивать свое мастерство, которое, как известно, без постоянного подкрепления может притупиться, и даже кануть в лету. Так что Петушку вполне было достаточно благодарностей, хотя иногда ему перепадали и разные вкусности, которые дамы готовили на примусах и керосинках на общей кухне.

К таким деликатесам относился, например, торт в виде бисквитного кольца, который мастерицы пекли прямо на керосинке в особом устройстве, называемом «чудо-печью». Это устройство представляло собой разборную кастрюльку с большой дыркой посередине, через которую проходили горячие газы. Тесто укладывалось в кольцевую нишу, накрывалось такой же крышкой с дыркой посередине, и вся эта конструкция устанавливалась на керосинку. В итоге можно было испечь вкусный бисквит в форме большого бублика. И Петушок справедливо мог претендовать на часть этого кулинарного шедевра к своему чаю. Который он очень любил. Да и дамы его приглашали на чай в свои комнаты, и он им так же никогда не отказывал в этом.

Но самое захватывающее событие в жизни квартиры произошло как раз в комнате Зинки. К ней по прежнему ходил этот важный человек, «ответственный работник» Пал Палыч, который снабжал Зинку разными деликатесами, некоторые из которых можно было купить лишь в спецраспределителе, где отоваривалась лишь партийная номенклатура. Даже в Елисейский эти деликатесы не поступали, а если вдруг и поступали в малом количестве, то тут же распределялись «между своих». И с черного хода, разумеется. Поэтому, черный ход тоже был своего рода «спецраспределителем», но не для номенклатуры, а для «своих». Но ответственный работник носил Зинке эти деликатесы чисто из платонического интереса. Просто его забавлял ее молодой задор, красота. Он лишь пил с ней чай, иногда и коньячок, но максимум, что мог себе позволить – это погладить Зинку по пухлой ручке. Или обнять ее за талию. На большее он пока не рассчитывал. А Зинку, сами понимаете, это вполне устраивало.

Но тут произошло чрезвычайное происшествие. Ответственный работник где-то, может быть, даже не в спецраспределителе, раздобыл фильдеперсовые чулки. Название «фильдеперс» происходило от французского «Fil de Perse» – «персидская нить». Так называли особую разновидность фильдекоса, мерсеризированный хлопок. В процессе мерсеризации такую ткань обрабатывали едким натром, а затем горячей и холодной водой. При этом нить приобретала характерный шелковый блеск. И чулки смотрелись, будто шелковые. В противовес обычным хлопчато-бумажным чулкам, которые можно было купить в «Промторге». Когда Зинка увидела эту красоту, то она не устояла. В порыве благодарности она бросилась на шею ответственному работнику, и стала осыпать его поцелуями. Прикосновение горячего Зинкиного тела, не вполне одетого, да еще и в фильдеперсовых чулках, пробудило в Пал Палыче давно забытые чувства. И ему захотелось большего, чем просто поглаживать свою пассию по пухлой ручке и вести с ней любезные разговоры. Он тоже прижался к ней плотнее, и тут ему захотелось ее всю! Зинка не возражала – она была под впечатлением от щедрого подарка. Пока Пал Палыч разоблачался, освобождаясь от брюк и кальсон, она думала, как же теперь она «сделает» свою дав-

нюю конкурентку Любку из второго подъезда, и какими глазами будет смотреть на нее Любка, когда она продефилирует в этих чулках прямо перед ней, а потом сядет на лавочку напротив, и закинет ногу на ногу! Вся в этих мыслях, она и не почувствовала, как Пал Палыч взгромоздился на нее и запыхтел. Ради такого подарка можно вынести все, даже вес Пал Палыча, и все, что он пытается сделать. А у Пал Палыча не очень получалось, он очень распереживался от этого. Как же так, он возлежит на такой привлекательной особе, и ничего не может! Видимо, ответственная работа отнимала у мужчины что-то важное, предлагая взамен суррогаты в виде денежных купюр и возможности отовариваться в спецраспределителе.

Вся погруженная в свои мысли, Зинка и не заметила, как Пал Палыч, лежа на ней, покраснел, как индюк, пыхтя все сильнее и сильнее, и вдруг обмяк, и навалился на нее всем своим весом. Тут она отвлеклась от приятных мыслей, и обнаружила, что Пал Палыч уже совсем не сопит. И даже, похоже, не дышит. Она с большим трудом вылезла из под него, положила на спину, и увидела, как его глаза закатились.

И тут вся квартира вздрогнула от Зинкиного визга. Сначала наступила тишина, а потом в коридоре раздался топот ног соседей и стук в дверь. Зинка, в одних фильдеперсовых чулках, вскочила и открыла дверь.

– Он умер, он умер! – всхлипывала она.

Петушок ворвался первым. Он любил Зинку. По своему, по стариковски. Как дочку. Пусть и непутевую. Увидев ее в одних чулках, он схватил какую-то тряпку, и накинул ей на голое тело.

– Кто умер? Этот? – показал он на Пал Палыча.

– Да, сначала дышал так тяжело, а потом покраснел, и затих! – плакала навзрыд Зинка.

Пал Палыч подошел к телу. Пощупал пульс на сонной артерии. Пульса не было.

– Значит так! – сказал он громко. – Думаю, что я выражу общее мнение, но я считаю, что мы не должны привлекать внимание органов к нашей славной квартире! Мне кажется, что надо этого, – он указал пальцем на тело, – одеть, и вынести на лестницу. И тогда вызвать скорую и милицию. Кто считает иначе? – он обвел взглядом жильцов.

– Все согласны! – пропела Маргарита Платоновна, старушка из большой угловой комнаты, разделенной по диагонали на два треугольных помещения.

– Итак, за дело! – произнес торжественно Петушок. Все засуетились. Откинули одеяло, разложили тело на Зинкиной кровати, и быстро одели его. Петушок последним завязал шнурки на штиблетах Пал Палыча.

– А теперь дружно взяли, и понесли. Ты, Фаина, иди на парадную лестницу, посмотри, чтобы там никого не было. Надо все делать быстро, чтобы нас никто не видел.

Одетого Пал Палыча быстро вынесли из квартиры, спустили этажом ниже и усадили на ступеньки. Казалось, что человек зашел в подъезд, поднялся на пару пролетов и просто сел отдохнуть.

– А теперь, звоните в 02 и 03. Пока он еще теплый. Никто ничего не подумает! – распорядился Петушок.

Позвонили, вызвали скорую по 03 и милицию по 02. Сказали, что случайно обнаружили человека, которому очень плохо, сидящего в их подъезде.

Службы приехали быстро. Милиция все осмотрела, запротоколировала, после чего медики забрали тело. Ни к кому не было вопросов. По всему было видно, что у человека случился апоплексический удар.

Сейчас, по прошествии лет, можно подумать, какими дружными были жильцы квартиры. Если бы среди них затесался хоть один сексот, то копать бы всем новый канал от Владивостока до Москвы. Потому, что смерть ответственного работника не могла бы пройти бесследно для всех. Да и его супруге было бы очень неприятно узнать, что ее благоверный закончил свою жизнь не в семейной кровати, а на пухлом теле веселой Зинки. Но все жильцы были очень дружными, и в немалой степени этому способствовала та доброта, которую источал Петушок, и все молчали о таком нелепом случае, хотя некоторых дам так и подмывало рассказать на лавочке у подъезда: «А у нас то вчера что случилось! Ой-ой-ой! Такой ужас!». Но и другие жильцы были отличными и добрыми людьми. И вполне могли бы служить в разведке.

Чертова дюжина

Так уж повелось исстари. Число тринадцать назвали «чертовой дюжиной». Хотя непонятно, вообще откуда взялась «дюжина»? Может быть, древние люди, перед тем, как загибать пальцы, поднимали сначала одну руку, загибали пять пальцев, затем поднимали другую руку, и загибали остальные пять пальцев? Так, на одной руке можно было отметить числа от «1» до «6». А на двух, соответственно, от «1» до «12». По английски дюжина звучит «дазн». А чертова «девилз дазн». Чем черт отметил еще одну цифру? Хвостом? Или еще чем то? Рогов то у него два. А хвост – один. Непонятно. Но, в любом случае, число «13» считается несчастливим издавна.

С такими мыслями Вадим Николаевич подходил к автобусной остановке. Ему как раз надо было дожидаться автобуса номер 13. И выйти на 13 остановке. Чтобы потом зайти в дом №13 по Петропавловской улице. Почему улицу назвали Петропавловской, он не знал. Возможно, что там был храм Петра и Павла, который снесли при коммунистах. Он в этот город переехал не так давно, и пока не удосужился поинтересоваться его историей. Но, ему было отраднее, что улицу не переименовали в какую-нибудь «Сакко и Ванцетти», или «Розы Люксембург». «Петропавловская» звучала милее русскому уху. А эти Сакки и Люксембурги уж лучше пусть будут где-нибудь там, в древней Европе.

Автобус подошел ровно через 13 минут. Как и было записано в расписании, закрепленном на автобусной остановке.

– Столько тринадцатых чисел одновременно – мне кажется, они должны как-то взаимно уничтожаться! – думал Вадим Николаевич, садясь в автобус, – если бы одно было – тогда да, надо сплюнуть три раза. А в этом случае непонятно, сколько придется еще плевать, да и соседние пассажиры мои плевки не оценят!

– А какое сегодня число? – вдруг подумал он. – Тринадцатое, не иначе! Сегодня я просто в фокусе чертовых дюжин, как актер на театральной сцене в свете прожекторов!

– Простите, Вы не верите в приметы? – вдруг спросил он старушку, сидевшую у окна.

– Нет, молодой человек, не верю! Я осталась коммунисткой даже в то время, когда все сожгли свои партбилеты! Хотя я не плачу партвзносы – потому что я не верю в новую Компартию – там одни карьеристы и бездельники – но в душе остаюсь приверженцем ленинских идей. А верить в приметы – это, поверьте, удел лишь слабых и недалеких людей!

– Спасибо, Вы меня утешили! Как хорошо, что есть такие люди, как Вы! – рассыпался в комплиментах Вадим Николаевич.

– Знаете, молодой человек – не думайте о приметах! Ваша судьба – она ведь в Ваших собственных руках! А не в хвосте черной кошки, перешедшей Вам дорогу!

– Как Вы правильно говорите! Спасибо Вам!

– Да просто народ сейчас пошел безвольный. Верят во всякую ерунду, даже в шаманов и колдунов! Ничего этого на самом деле нет. Материя – она ведь первична!

- А как же Идея? Ведь сначала было Слово?
- Да, как же! А кто его произнес?
- Как кто? Бог, конечно! И идея была его – божественная!
- А где же был Ваш Бог, когда церкви рушили после революции? Когда попов расстреливали и ссылали вместе с семьями? Помог он им?
- Тогда не помог. Но сейчас то он все вернул на свои места?
- И что же он вернул? Нищенскую пенсию? Больницы без врачей? Аптеки с грабительскими ценами? Образование за деньги? – не унималась бабушка-атеистка.
- Я то молодой, как Вы говорите. И не воцерковленный. Хотя моя бабушка верила в Бога. А Вы то – почему Вы такая спокойная? Вы же не верите в вечную жизнь?
- Знаете что, когда доживете до моих лет, то поймете, что Вечная Жизнь – это утопия. Я так намучилась за свою жизнь на Земле, что еще одна мне уже не нужна. Лучше отдохнуть в земле, не имея никаких мыслей и не испытывая никаких чувств. Говорят, что Смерть избавляет от боли и страданий. Я к этому готова. А еще раз гулять парами по райским кущам и вести заумные разговоры – увольте. Здесь, на Земле, было сказано уже столько, что на сто жизней вперед хватит. А ни до чего не договорились в итоге! Каждый живет, как ему хочется!
- Вы еще скажите, как Бог на душу положит!
- Это просто идиома. Как хочется – так и живет человек.
- Хорошо, спасибо Вам. Успокоили! Хотя я с Вами абсолютно не согласен – может, в силу более молодого возраста – но Ваша уверенность меня подкупает. Просто сегодня слишком много тринадцатых чисел одновременно.
- Да забейте, на это! Бросьте все, что Вас тяготит! Вы же еще молодой! Будете переживать, когда на пенсию выйдете! А пока – идите в парки, целуйтесь с девушками, наслаждайтесь жизнью! Поверьте, она не такая длинная, как кажется Вам!
- Но кто же меня кормить будет, если я все брошу?
- Знаете, молодой человек, на самом деле, среднему человеку не надо многого. Можно обойтись лишь минимумом. Самой главное, ощущать себя членом общества. Как только Вы закроетесь в своем одиночестве – вот тогда на Вас и нагрянут плохие мысли! О несовершенстве мира и необходимости в его переустройстве! Это – пустое! Мы мир не переделаем! Он сам развивается так, как ему надо. Вот те, старые коммунисты, это не учили. И проиграли. Хотя в идее коммунизма есть здоровое зерно. И оно мне близко. А стяжательство – отвлекает от главной цели в жизни – просто жить и радоваться!

Когда Вадим Николаевич доехал до своей остановки, он вышел из автобуса с хорошим настроением, и чувствовал, что никакая черная кошка, и никакая «чертова дюжина» сегодня не смогут испортить ему настроение!

Мыльный пузырь

Пузырь надулся и полетел. Мальчишка делал доброе дело – выдувал мыльные пузыри. У него был хороший рецепт мыльной жидкости – пузыри не лопались сразу. А некоторые даже улетали за крышу дома, где их подхватывал свежий ветер и уносил вдаль. И наш пузырь был из таких. Он не лопнул сразу – значит, ему уготована долгая жизнь.

Когда он перевалил через конек крыши, то встретил галку. Галка шарахнулась от него – она решила, что в нее кто-то нехороший бросил прозрачный камень. Но пузырь был абсолютно безопасным. Правда, об этом знал только он.

– Как бы мне пожить подольше? Мир оказался таким красивым! Я даже не ожидал. Пока я был в сосуде с мыльным раствором, и был растворен в нем вместе с моими братьями и сест-

рами, я не мог видеть ничего, что бы услаждало мой взор. Только вздохи коллег и родственников: «Как же нам надоело здесь болтаться! Вот бы нас кто-то надул и выпустил наружу?»

Вообще то люди не любят, когда их надувают. И, тем более, когда их выдворяют откуда либо, кроме, как из тюрьмы. Выводят за ушко из класса, как нашкодивших учеников, выгоняют из театрального зала, когда они громко кашляют или разговаривают, или, не дай бог, записывают на телефон весь спектакль – это ведь строго запрещено правилами театра! Или выгоняют из одной страны в другую! За то, что ты негоден этой стране. Как будто ты при этом угоден той? Или из ток-шоу, как несговорчивых собеседников. Правда, потом оказывается, что это все было прописано в сценарии того самого ток-шоу. Но, в любом случае, никому не нравится, когда выгоняют, ссаживают с поезда, самолета, парохода, автобуса. На таможне, на необитаемом острове – да мало ли где еще?

Но мыльные пузыри обожают, когда их надувают и пускают по ветру, как состояние покойного дядюшки. Особенно классно выглядят пузыри, которые пускают специальные аниматоры в некоторых городах. Они окунают особую рамку на веревке в большое ведро, а потом крутят этой рамкой по воздуху. Надуваются громадные цветные пузыри в большом количестве, и летят по ветру, под одобрителные крики и возгласы туристов и малышни.

Но вот и наш пузырь – он очень обрадовался. С галкой он благополучно разминулся, и ринулся дальше. Он бы быстро окончил свою недолгую карьеру, поскольку на его пути возникла большая ветла с раскидистыми ветвями. Столкновению с любой веткой или даже листком сулило пузырю большими неприятностями. Но ветер вдруг изменил направление, и пузырь легко обогнул ветлу и поднялся еще выше. Под ним раскинулась большая деревня, зеленые и красные черепичные крыши, разноцветные машины, припаркованные во дворах, голубые овалы частных бассейнов. Дело было не в России, и здесь почти в каждом доме или кондоминиуме был свой бассейн.

Пузырь поднимался все выше и выше. Он переливался всеми цветами радуги. Ктонибудь из людей с высшим образованием сказал бы, что пузырь бесцветный, а во всем виновата интерференция. Но грамотных людей поблизости не было, и все остальные воспринимали его просто, как цветной подарок судьбы.

Ветром пузырь корежило от дуновений ветра, и от собственной внутренней радости, и он менял свою форму, и его облик менялся от грустной маски Пьеро до веселой рожицы Арлекина из театра дель-арте, веселого слуги старого скупого купца Панталоне.

Одна ворона долго летела за пузырем, наблюдая его трансформации. Она была умнее галки, и понимала, что пузырь не представляет угрозы, и что он – просто часть шоу мыльных пузырей. И была обычной зрительницей этого театрального действия.

Пузырь поднялся еще выше, и увидел, что он почти достиг кромки облаков.

– Вот здесь я и обрету свое пристанище. Облака – это то место в раю, куда попадают души пузырей после того, как они лопнут. – Наш пузырь был необычным пузырем. Он был большим философом.

Когда он достиг облака, то обнаружил, что там слишком много воды. Необычной воды, а в форме крошечных капелек белого тумана. Пузырь влетел в облако, хотя подсудно понимал, что туда лучше ему не соваться. Но он ничего не мог сделать – облако просто всосало

его, как пылесос. Пузырь почувствовал, как он наливается обычно водой – простой дистиллированной водой, очень чистой и безвкусной – и вода начала растворять мыльный раствор в стенках пузыря.

– Для меня это слишком неподходящее место. Здесь все слишком чистое и рафинированное – я этого не люблю. И вообще, я сейчас, я сейчас, я сейчас лопну! – и он лопнул, обдав окружающие капельки воды брызгами мыльного раствора.

Вот так закончилась короткая, но яркая жизнь нашего пузыря. И он об этом нимало не жалел. Он считал, что лучше высоко взлететь, радуя окружающих своими яркими цветами, чем сотню лет болтаться со своими собратьями по мыльному раствору, проводя бесконечное время в склоках и сутяжничестве.

Соловушка-пенсионер

Выдалось прекрасное утро. Я решил пособирать грибы. Дачники еще не понаехали, дождик накануне прошел, и, по всем приметам, должны были пойти подберезовики. Или даже белые. Для опят было еще рановато.

Сказано – сделано! Взял корзинку, надел старые разношенные кирзачи, пропитанные гусиным жиром – ничего нет лучше для ходьбы по лесу – накинуд брезентуху, шапочку вязаную – и ломанул до ближайшей опушки. Только прошел опушку и углубился в лес, взял курс на древний дуб. Дереву было не менее трехсот лет. Не родился еще дровосек, который бы его под самый корешок оприходовал. Подле дуба должны быть белые. Подошел к гигантскому раскидистому дереву. Грибов было не видно. Это не значит, что их не было. Просто не было видно непосвященному. Надо знать, какую травинку нагнуть, какой листик приподнять палкой, чтобы увидеть царя грибов.

Тут я услышал наверху какой-то шорох. Из кроны дерева посыпалась пыль, кусочки коры и мелкие ветки.

– Тебе чего надо? – раздался откуда-то сверху тихий хриплый шепот.

Я поднял глаза – прямо надо мной на двух длинных руках висело странное создание, напоминающее свалывшийся меховой воротник неопределенного серо-зеленого цвета, с пяточками и подушечками стоп, покрытых нежной розовой кожей, как у младенца, которые виднелись на нижней части абсолютно шерстяных ног. Длинное туловище, сплошь покрытое такой-же шерстью, венчала маленькая голова с большим ртом, широким носом. Голова смотрела на меня двумя внимательными глазами, напоминающими человеческие. Взгляд был довольно осмысленным.

– Я ничего. Так, иду себе по своим делам! – заявил я как можно более независимым голосом. – А ты – кто?

– Кто я? Кто я? Ты, что, не знаешь? Первый раз здесь? – спросило существо. Голос был то ли сорван от громкого крика, то ли прокурен. – Меня раньше, в ваших древних былинах, называли Соловьем-разбойником. Хотя я никогда никому не свистел. Но орал я так, что в соседней деревне лопались кувшины и стеклянные банки. А люди просто глохли на время. Да, вот, как-то один раз неувязочка вышла – не рассчитал силы своего голоса, погода была студеная – и сорвал его.

– А ты не куришь?

– Да ты что? Кто у нас в лесу курит? Да и не пьет вовсе. Правда, иногда лось объедается мухоморов. Или прелых яблок слопают – потом ходит по лесу без разбора, аж кусты трещат! И кричит при этом: «Кто не спрятался – я не виноват!»

– Разве лоси кричат?

- Разумеется, кричат. По лосиному. Понимать их язык надо.
- Слушай, Соловушка – а тебе сколько лет?
- Лет то мне немного – сто девяносто. Я внук того Соловья, о котором ваши былины рассказывают.
- Это твоего прадеда Илья Муромец посек мечом?
- Было дело под Полтавой. Досталось ему. Хвост ему отмахнул.
- А у тебя же тоже, вроде, хвоста не наблюдается?
- Потом пошла мода – как очередной соловушка вступает в зрелый возраст – ему хвост отсекают. На всякий случай. Чтобы никакому новому Илюше неповадно было зло творить по отношению к нам.
- А как же ты без голоса? Кому теперь нужен?
- Прав ты, как никогда. Никого не могу напугать. Как то выпрыгнул перед одной старушкой – она как закричит: «Свят, свят, свят!» и начала иступленно молиться. Пришлось мне отчалить. А перед другой вышел – так ее внучка кричит: «Бабушка, смотри, ручной шимпанзе с дерева слез! Звони в зоопарк – пусть приезжают забирать!». Я как слово «зоопарк» услышал – так и сам деру дал. Не хочу в клетке сидеть до конца дней своих. Они ж разорятся мне на еду – мы, соловьи-разбойники, аж до пятисот лет можем прожить. Что ж, они все эти пятьсот лет нас кормить собираются?
- А здесь то ты чем питаешься?
- Не все меня бояться. Одна одинокая дама из соседнего садоводческого товарищества мне носит разные вкусности. За это я от ее домика зимой грабителей отгоняю. Правда, свистеть и кричать уже не могу. Но как выскочу в темноте – они так сами от меня и шарахаются. В общем, сию на сдельном подряде!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.